

СМЕРТЬ И БЫТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ДАНИЛ ГРИШКО

18+

Данил Гришко

Смерть и Быт

«Автор»

2026

Гришко Д.

Смерть и Быт / Д. Гришко — «Автор», 2026

Настя работает на заводе, живёт в бедности и верит, что однажды создаст картину, способную оправдать всю её жизнь. Но усталость, унижение и навязчивый голос в голове постепенно превращают мечту в одержимость — одержимость, которая вскрывает старые раны и затягивает в себя чужие судьбы. «Смерть и быт» — мрачный психологический роман о попытке вырваться из тягот повседневной жизни и о цене, которую за это приходится платить не только героине, но и тем, кто оказывается рядом.

© Гришко Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Смерть и Быт.	5
Одержимость.	6
Глава 1: Бессонная ночь	7
Глава 2: Очередной день	10
Глава 3: День перерождения	16
Глава 4: Освобождение	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Данил Гришко

Смерть и Быт

Смерть и Быт.

Дорогой читатель!

Спасибо, что решил прочесть мою книгу. Я очень признателен тебе за это и надеюсь, что ты получишь удовольствие от этого путешествия.

"Смерть и Быт" — это первая законченная история, вышедшая из-под моего пера, написанная по многим причинам: для развлечения, для самоопределения и, что важнее всего, как предостережение для всех творцов и художников по всему миру и во все времена.

Я бы хотел оставить здесь имена многих друзей и членов семьи, чтобы ты мог их прочесть, но правда в том, что нет никого, кого я мог бы упомянуть. Конечно, были те, кто прочел некоторые главы и дал свою критику и комментарии касательно этой истории, и я поблагодарил каждого из них лично. Причина, по которой я вообще упоминаю об этом — не желание вызвать жалость или выразить какую-то внутреннюю боль, а напомнить каждому, что очень часто нам приходится учиться преодолевать испытания в одиночку или сталкиваться с пренебрежением и предательством тех, кто нам дорог. Важно никогда не сдаваться и перенаправлять свое внимание на другие вещи и других людей, потому что, несмотря ни на что, в мире вокруг нас много хорошего.

Сказав это, желаю тебе удачи и приятного времяпрепровождения с этой книгой и за ее пределами!

С наилучшими пожеланиями, Данил Гришко.

Одержимость.

*Контроль через Хаос,
Умиротворение через боль,
Устремление вместо уступок,
Жизнь вместо существования,
Одержимость... мечтой.*

Глава 1: Бессонная ночь

Сквозь запотевшее окно виднелись огни, мелькающие один за другим. Пустой автобус мчится сквозь ночной город, завершая свой последний рейс. Я едва могу держать глаза открытыми, ноги кажутся ватными, а руки и вовсе отказываются повиноваться.

— Держись, девочка, — шепчу я себе. — Не отключайся. Не смей засыпать...

По вечерам всегда так. Вдобавок ко всему начинается слепота — следствие тяжелого рабочего дня. Сегодняшняя смена затянулась дольше обычного; к счастью, мой наниматель дал мне денег на автобус и пакет с едой, чтобы не пришлось готовить, когда доберусь домой. Милый жест, но сомневаюсь, что успею поесть, прежде чем рухнуть на кровать. Самое главное сейчас — не уснуть. Обратно никто не подбросит, а ковылять домой пешком — означает явиться глубокой ночью, не выспаться, проснуться утром с дикой усталостью и тем самым обеспечить себе ужасный рабочий день.

Наконец в протертом окошке виднеется остановка. Я смотрю на водителя: он лениво косится в салон через зеркало заднего вида и, увидев, что последняя пассажирка собирается выходить, начинает тормозить, постепенно съезжая с дороги. Выпрыгивая из дверей, я чуть не приземляюсь в грязную лужу, но, к счастью, пролетаю мимо — мокрые ботинки не добавятся к списку завтрашних проблем. Эта ночь кажется особенно холодной, усугубляя усталость и голод.

Я иду по улице, едва переставляя ноги. Морось бьет в лицо. Но это не беда — я уже приближаюсь к дому, к моим любимым соседям: либо молчаливым и апатичным, либо шумным и буйным. Единственный друг, который у меня тут есть — дядя Вася. Должно быть, напился — его кресло на улице пусто, а по вечерам он либо пьет в квартире, либо сидит в любимом кресле, глядя на ночное небо. Понятно, что он выбрал сегодня. Это одна из многих причин, почему я ненавижу холода. Люди запираются в своих норах, наедине с собой, со своими мыслями, неудачами и болью. А это только последние дни осени. Через неделю наступит зима, и станет гораздо холоднее...

Зайдя в подъезд, я чувствую прилив бессильной злости — лифт не работает. Я поднимаюсь пешком на восьмой этаж. Гнев толкает мои ноги вперед. Подъем длится вечность. Наконец добравшись до двери квартиры, я отпираю ее и захожу внутрь. Закрыв дверь, я оставляю ключи в замке, чтобы утром не искать. Бросив пакет с едой и рабочую одежду на пол, я снимаю обувь и медленно тащусь в спальню, где меня ждет не застеленная кровать. Прохладная и скомканная, она сулит блаженный сон без сновидений. Последние силы я трачу на поход в душ. Горячая вода смывает промышленный запах, слои пыли, смешанной с маслом, и чешуйки омертвевшей кожи. Вся эта грязь утекает в слив, но завтра она снова окажется на моем теле.

Глядя в зеркало, я вижу заплывшее тело. А ведь было время — когда я выглядела совсем иначе: тонкое лицо, аккуратная грудь, плоский живот. Организм слишком быстро приспосабливается к тяжелому труду, и в результате появляются складки жира. Ах, еще не так давно можно было смотреться в зеркало и испытывать гордость за себя и за время, потраченное в спортивном зале. Но то было другое время, время студенческих лет, время ожиданий и надежд. Я давно остригла волосы, чтобы соблюсти технику безопасности — умереть на заводе никогда не было пределом моих мечтаний. Но я скучаю по волосам, длинным, черным как вороново крыло. Они были красивы и так шли к моим голубым глазам. Теперь же в волосах седина, а под глазами мешки.

Я накидываю старый халат в цветочек и выхожу из ванной. Спина у меня, как всегда, мокрая — когда мышцы болят, мне трудно как следует вытереться. Сегодняшняя смена была по-настоящему тяжелой, оставив после себя эту ужасную усталость, которая пугает меня. Наив-

ные юнцы часто верят, что усталость ведет ко сну, не подозревая о тяготах взрослой жизни, когда переутомление может помешать сну или вовсе лишить его. Входя в спальню, мой взгляд сразу падает на холст, стоящий в темном углу. «*Шедевр*» стоит в безнадежном забытии, и его спячка напоминает кому. Я даже не помню, когда в последний раз работала над ним. Кисть и палитра давно покрыты пылью.

«*Мечты, покрытые пылью*», — шепчет голос в моей голове.

Я ложусь, думая обо всем, что произошло. Я начала работать, когда ушла из семьи, при этом желая посвятить себя чему-то великому, чему-то, что позволило бы мне выкарабкаться из этой бездны нищеты и осуществить свою мечту. Но со временем работа начала сказываться, и мои наброски больше не приносили никакого удовольствия. Я не могла представить миру несовершенные творения, созданные без должного труда и вдохновения. И вот так родилась идея *Шедевра*. Он должен был стать моей первой итоговой работой, той, что заставит замолчать критиков и поразит всех, кто на нее взглянет. Тем, что принесет мне деньги, славу и признание. Тем, что придаст моей жизни смысл, превратив простое существование во что-то большее. Тем, что превратит жизнь в удовольствие и праздник, а не в то, за что приходится цепляться. Однако со временем даже этой идеи оказалось недостаточно, чтобы бороться с усталостью плоти и духа. И, как и многие другие, я втянулась в каторжный труд, работая до изнеможения, отдаляясь от своей мечты в угоду «реальности»...

Прямо как и хотели мои родители.

Если бы в этом теле осталась хоть капля сил, меня бы захлестнула волна смеха. Времена были трудные, и идти мне было некуда. Не было других мест, где деньги, пусть и небольшие, приходили бы в том же объеме — если вообще приходили. Многих простых рабочих обманывали, их зарплаты воровали, а их труд и время были невозвратны. Я пыталась убежать от такой жизни, и я никогда не хотела заниматься спортом или быть чьей-то секретаршей. Я хотела быть чем-то большим. Но если бы я вернулась к живописи, мне пришлось бы бросить работу на заводе — мысль, которая приходила мне в голову много раз, но я так на это и не решилась. Потому что невозможно творить, когда разум затуманен долгим рабочим днем, а тело дрожит даже при простых движениях. И все же, куда сложнее рисовать, когда тебе нечего есть. Я остаюсь на этом разваливающемся производстве, которое когда-то приносило деньги всем, кто был с ним связан. Теперь зарплаты задерживают, мастера и начальники цехов увольняются, а все бывшие директора постоянно ищут способы быстро заработать и исчезнуть на горизонте.

Сон не приходит. Это одна из тех ночей, когда ворочаешься с боку на бок, чувствуя жар от сбитой подушки, пока не удастся поспать час-другой. Завтра последний день перед выходными. Может, притворюсь, что занята какой-то срочной работой. Степаныч — мастер цеха — с утра пораньше будет точно пьян. Главное — подойти к нему первой, достать вопросами, и он сам перестанет доставать меня своими бесполезными заданиями. В своем воображении я вижу его жирное небритое лицо, морщины, свойственные всем, кому стукнул полтинник, запах чеснока и перегара, его похотливую улыбку. О, сколько раз он пытался затащить меня в постель, обещаниями того, какой он хороший любовник, и как это может отразиться на моей зарплате. Я помню гнев и разочарование на его лице, когда я сказала ему...

— Если бы я хотела спать с мужчинами за деньги, то выбрала бы кого-то побогаче и покрасивее.

Старый козел так и не смог этого пережить — гнев и похоть по-прежнему разъедали его изнутри. Даже после двух лет каторжного труда, после того, как мое тело стало таким, какое оно есть, он все еще жаждет его.

«*Он презирует тебя, потому что он несчастен и потому что не знает цены труду*».

Голос тих. Он похож на мой собственный, но это не так. Я должна молчать. Иначе соседи услышат.

«Они успели нажраться до того, как ты появилась, и уже ничего не слышат. Эта страшная баба с ее пропитым рылом храпит так, что слышно во всем подъезде».

Громкий храп действительно доносится из соседней квартиры. И это именно она, потому что ее последний «хахаль» — тощий мужичонка — вряд ли обладает такими легкими.

«А тихая старушка внизу спит как младенец. Она никогда не шумит. Даже телевизор не смотрит. Интересно, чем она занимается дома целыми днями? Смотрит в окно? Наблюдает за чужим счастьем, пытаясь ощутить хотя бы частичку их радости?»

— Мне нужно спать, — тихо говорю я, чтобы никто случайно не услышал этот разговор.

«Нет, — резко отвечает голос. — Тебе нужно думать. Ты устала, и сон не придет. Почему ОН стоит там заброшенный?»

— О чем ты?

«Ты знаешь, О ЧЕМ. Мечта. Выход. Обещание Рая. Шедевр. Ты думаешь о нем каждый день, но не действуешь. Сколько страданий должно доставить тебе это существование, прежде чем ты поймешь: только через труд, через эмоции ты сможешь разорвать эти ржавые цепи рабства?»

— Я устала. Мне нужно спать. Пожалуйста, дай мне уснуть.

«Ты хочешь отдохнуть перед работой, где ты никто, где тебе платят крохи от того, что они зарабатывают, где ты терпишь деспотичного алкоголика, который представляет тебя голой в своей грязной потной голове. Тебе нужно вытереть холст и кисти, купить новые краски и показать всем, на что ты способна. Но самое главное — тебе нужно освободиться от оков нищеты, которые сковывают недостойных! Взгляни на него! Взгляни на свою работу!»

Я вздыхаю и опускаю ноги на холодный деревянный пол, делаю несколько шагов к картине. Здесь так многого не хватает. Она лишь начата. Но здесь есть страсть, идея, красные тона, отражающиеся в лунном свете, который льется из окна у меня за спиной. Эта картина прекрасна.

«В ней так много потенциала. Как и в тебе».

— Да. Но нужно еще много работы. Очень много... И я не готова. Мой разум затуплен и распух от злости.

«ОТГОВОРКИ. Ты все бежишь, но разве смерть в нищете лучше, чем падение с небес?...»

— Нет, — тихо признаю я. — Но что я могу поделать?

«Эти выходные. Твой шанс начать снова».

— Я хотела отдохнуть от всего этого. Я так устала. В конце концов, это мое...

«Разве это важнее Шедевра? Разве отдых и празднование в одиночестве важнее, чем ДЕЛО ТВОЕЙ ЖИЗНИ?»

Я возвращаюсь в кровать и заваливаюсь на нее.

— ... Мне нужно отдохнуть.

Это были мои последние мысли перед тем, как я наконец провалилась во тьму своего уставшего и израненного разума.

Глава 2: Очередной день

Проснувшись, первое, что видят мои глаза — это *Шедевр*. В тусклом утреннем свете он кажется каким-то загадочным, подобно пейзажу, окутанному туманом, или древним зверем в глубокой спячке. Мне хочется развеять туман, хочется разбудить зверя. Голос начинает хихикать в моей голове, словно насмехаясь над моим бездействием. Злость заполняет меня, прогоняя последние остатки сна.

Будильник еще не прозвенел, но этот момент уже не за горами, и неприятное предвкушение висит в воздухе, мешая по-настоящему расслабиться. В голове вспыхивают картинки из прошлого: чаепития с друзьями, просмотр фильмов, пикник у реки с мясом и гитарой... Как же хорошо было тогда, был смех и простота. Люди заботились друг о друге, когда у них не было обязательств и семей. Мы мечтали вместе.

Больше нет.

Звенит будильник. Рабочий день ждет. Я встаю, надеваю рабочие штаны, усеянные черными маслянистыми пятнами, мную футболку и свитер, все еще влажный после стирки — но в такой холод это все же лучше, чем ничего. Заваривая себе горячий дешевый кофе, я слышу что-то. Невнятный шепот. Возможно, пора подумать о том, чтобы снова начать пить таблетки, иначе я сойду с ума. Я не хочу их принимать. Они дорогие, и помимо ожидаемого эффекта — успокоения мыслей — они искажают мои творческие способности, мысли и воспоминания. Но они принесли бы мне некоторую долю спокойствия. И смыли бы то постоянное чувство, что все потеряно.

Я выхожу из квартиры и ступаю на холодную улицу. Добраться утром до работы — целое приключение. Путь лежит через заброшенный парк и железнодорожные пути, где часто бегают бездомные собаки. Глядя на них, я каждый раз вспоминаю Бублика — собаку, с которой я выросла. Он всегда вилял хвостом и бежал мне навстречу, даже когда сильно состарился, когда его слух притупился, а больные лапы не давали ему бежать. Даже сквозь пелену старческой немощи каждая собака остается любопытным и добрым щенком. На глазах наворачиваются слезы, и я начинаю бормотать себе под нос.

— Друг мой. Мой единственный верный друг...

Поднявшись на холм, я наконец добираюсь до дороги, где находится предприятие. Находящаяся рядом с ним аптека открыта. Убедившись, что никого нет рядом, я бегу вперед, буквально врываясь внутрь. Думаю, меня никто не видел. Молодая девушка за прилавком смотрит на меня вытаращенными глазами. Я улыбаюсь, чтобы унять ее страх, что я какая-то наркоманская шваль. Ее расположение меняется, как только она видит мою улыбку. Я желаю ей доброго утра и прошу нужное мне лекарство.

— Да, они у нас есть, — вежливо отвечает она с той же улыбкой. — Не могли бы вы показать рецепт?

Я киваю и достаю из кармана рецепт. Бумажка немного порвана от предыдущего использования. Она смотрит на него, затем кивает и дает мне таблетки. Я также прошу воды, затем плачу и сразу же принимаю таблетки — те, что должны подавить все темные мысли. Пройдет пара дней, прежде чем благословенная тишина вернется в мою голову.

*«А что потом? Головные боли, отсутствие мыслей, неспособность закончить **Шедевр**. Стоит ли оно того? Эта жизнь, которая не приносит тебе ни радости, ни счастья?»*

Я захожу в серое здание производства, и пройдя сквозь него, добираюсь до раздевалки. В процессе переодевания, я снова смотрю на свое тело и чувствую отвращение. Злость начинает нарастать во мне. Когда я выхожу, снаружи меня ждет Степаных, чтобы с утра пораньше начать капать мне на мозги.

— Давай, давай, иди работай. Ты чего пришла и ждешь, пока восемь пробьет? Если б сейчас начала, больше б сделала. А потом ты еще о зарплате что-то там говоришь... Учти, если будешь бездельничать, я смену не закрою.

Злость переполняет меня, и Голос в голове насмехается.

«Он идет домой вдоль лесополосы. Там нет камер. Нет свидетелей. Сотри подошвы, надень обувь на размер больше... А ПОТОМ ПЫРНИ ЕГО НОЖОМ! СНОВА, И СНОВА! ЗАСТАВЬ ЕГО ПЛАКАТЬ, ЗАСТАВЬ ЕГО КРИЧАТЬ!.. Потом заведи его вещи и иди домой через ночь. Никто не узнает, что это была ты. Еще одно ограбление во времена отчаяния и нужды».

У Степаныча не хватает пары зубов, а те, что остались, покрыты налетом от сигарет и дешевого кофе. Он отчаянно хочет считать себя мужчиной, но в моих глазах он жалкий клоун и алкоголик, который бьет жену и детей, подлый ублюдок, готовый совокупиться с любой, кто раздвинет перед ним ноги.

Я молча ухожу от него и от того, что началось у меня в голове. Выпью воды и пойду работать. Сварка — совсем не то, чем я хотела заниматься в жизни. У многих сварщиков проблемы со зрением, и это пугает меня достаточно, чтобы всегда пользоваться сварочной маской, каким бы быстрым ни был процесс. Я не могу рисковать своим зрением — зрением, которое позволяет мне рисовать. И все же здесь всегда есть риск. Так почему я выбрала это? Почему я рискую своей мечтой ради этого? Стоит ли оно того?

«Это лучшие мысли, что были у тебя сегодня. Возможно, ты даже увидишь ошибочность своего пути».

В сварочной маске я могу свободно разговаривать сама с собой.

— Мне нужна работа. Чтобы есть. Чтобы жить.

«Это не жизнь, а существование. Ты умираешь. Медленной и довольно мучительной смертью. Ты этого хотела, когда бросала тех, кто в тебя не верил? И поэтому ТЕБЯ бросили те, кто в тебя не верил?»

Во время перерыва я болтаю с мужиками с производства. На собрании поднимается вопрос о повышении зарплаты. Звучат классические фразы: «времена тяжелые», «отгрузок нет», «клиентов нет», «в следующем году обязательно поднимем». Потом просят большей лояльности, в ответ на что Валентин Викторович, работающий здесь механиком, потрясает кулаком и скандирует:

— Хотите преданности — наймите собаку!

— Ага, ага, — поддерживают его шлифовщики. — Лояльность не съешь, твою мать! Мы годами ждем. Сколько нам еще ждать? Мне семью кормить надо! Детям новые ботинки и джинсы нужны!

Самое страшное, что в этом городе предприятия можно пересчитать по пальцам одной руки, и условия здесь далеко не худшие... Начальство это знает, но также знает, что коллективный бунт вполне вероятен, потому что здесь — настоящее братство рабочих, которое, несмотря на множество попыток, никому не удалось разрушить. Найти замену было бы проблематично, потому что Степаныч уже пробовал, и тех, кого он находил, избивали ночью. Жестоко. Рабочие здесь — сильные и отчаянные мужчины. Они тащат завод на своих плечах и не позволят никому другому занять их место. Итак, у начальства нет выбора, кроме как идти на уступки: оплачиваемые отгулы и прочие радости. Пролетариат возвращается к станкам, а буржуазия отступает в тень, в свои высокие кабинеты, наверняка думая, как сэкономить еще больше денег.

Будучи помощницей у слесарного станка, мне пришлось мало-помалу научиться тому, что делает дядя Леша. Седой мужчина на закате своих лет сверлит, режет и придает форму металлу, создавая множество деталей для машин. Хотя его руки и лицо покрыты техническим маслом, он не чувствует дискомфорта. Наоборот, он смеется, шутит, рассказывает анекдоты, которые неизменно вызывают улыбку. Уважение к нему и другим мужикам появилось почти

с первого дня моей работы здесь. Чувство братства и тот факт, что каждый обладает набором уникальных навыков, придает хоть какой-то смысл моему пребыванию здесь.

«Здесь — где? В том месте, где тебя не ценят? Или на этой Земле, где тебя тоже не ценят?»

Это продолжается уже полгода. Разочарование растет, и Голос становится громче. И все эти шесть месяцев я отказываюсь идти к врачу. Пациент редко признает, что у него проблема, но я боюсь другого — определенный диагноз может стоить мне работы и жизни. Оказаться запертой в медицинском учреждении, где из меня сделают овощ и игрушку для персонала. Или, если диагноз не так плох — стать бездомной, скитаться по улицам, потому что никто не захочет видеть «сумасшедшую» на своем рабочем месте.

«Ты права. Люди не прощают. Они не стремятся понять близких. А „исправительная“ система наказывает и пытается. У них нет пациентов. У них есть жертвы. Хочешь знать, что еще смешно? Они даже не обещают исцеления».

— Это уж точно.

— Ты чего-то сказала? — спрашивает дядя Леша.

Возьми себя в руки, дура! Эти люди тебе не друзья. Они предадут тебя при первой же возможности! Соберись, Настя! Вдох, выдох. Это всего лишь твои мысли. Другие их не слышат.

— Нет, дядь Леш. Просто мысли вслух.

— А. Ну давай, заканчивай, я уже почти все сделал. Можешь прибраться и переодеться.

— А вы уверены, что помощь не нужна?

— Я в порядке, милая. Иди домой, поспи хорошенько, ладно?

Дядя Леша — хороший мужик, и прибраться действительно нужно. Рабочее место — отражение человека и работника. Но почему тогда я чувствую злость? Не на него, а... На что?

«Тебя обманули обещаниями лучшей жизни. Обманули необходимостью учиться. Но даже пройдя этот путь, ты оказалась в том же месте, что и эти бедолаги. Вы похожи, с одним исключением: ты не можешь это принять. Ты не можешь спрятаться или убежать. Это понимание всегда с тобой. Оно пожирает тебя вместе с твоей яростью».

Проходит час, наступает время очередного перерыва. Я никогда не любила курить, никогда не пробовала, но стою здесь, вдыхая воздух, пропитанный сигаретным дымом. Я чувствую взгляд Степаныча на себе, он думает, что бы сказать. Почему дураки всегда рвутся к смерти и конфликтам?

«Он видит в тебе одинокую девушку. Его жена пассивна. Он потерял всякий интерес избивать ее или спариваться с ней. Ты для него — разнообразие. Новое тело, которое можно оттрахать. Новый дух, который можно сломать. Он не знает, как сильно промахнулся...»

— Так что, Настя, когда увольняться будешь? Ты же художница, да? Иди, рисуй что-нибудь.

Я помню тот день, когда рассказала им об этом, и до сих пор жалею. Большинству было все равно, они никогда не пытались расспросить меня — как будто рисование — это то, что может каждый. А Степаныч...

— Отвали от нее, муذило, — резко обрывает его дядя Леша. — А то как дам по голове гаечным ключом.

— Да? Тебе нравится с ней работать? Я знаю кучу парней, которые все бы отдали, чтобы быть на ее месте.

Сердце сжимается, мышцы напрягаются. И все же я смотрю на него и улыбаюсь.

— А твоя жена знает об этих мальчиках, Степушка?

Мужики смеются, лицо мастера краснеет.

— Я б тебе язык-то мылом вымыл, корова ленивая.

— Может, лучше себя помоешь? Тогда этих твоих любимых мальчиков еще больше будет.

Мужики снова смеются. Степаныч становится неумняемым. Он не может скрыть свою злость так, как я. Может, он и мужик, но он слабак. Пьяница, получивший свою работу только благодаря дружбе с хозяином завода.

Он не унимается.

— Вон посмотри на Васю. У него такая же зарплата, как у тебя, а он за весь завод отвечает!

— Это его проблемы, не мои. И откуда ты знаешь наши зарплаты?

— Не хочешь работать — вали отсюда! Ты все равно бесполезна! Никудышная художница.

Я дергаюсь непроизвольно, а затем бросаюсь вперед. Мой кулак сжат до белых костяшек и врезается в его красный, в венах, нос. Он отшатывается, спотыкается о ведро с водой и падает на него. Я чувствую желание выцарапать ему глаза, но внезапно вспоминаю, что мы здесь не одни.

«Скоро...»

Он трогает свой нос и, увидев кровь, устремляет на меня свои безумные глаза.

— Ну всё, сука, кранты тебе! Слышишь?! Кранты!

Он встает, подгоняемый той же злостью, и двигается ко мне. Страх сжимает мне горло, и я делаю шаг назад. Но прежде чем что-то происходит, другие мужчины встают между нами. Дядя Леша кричит на него.

— Ты с ума сошел?! Девчонку собрался бить?

— Она первая ударила!

— Надо было рот свой поганый закрыть, — говорит самый старший из них, сплевывая на пол.

Степаныч смотрит мне в глаза.

— Это не конец.

Он вылетает вон и направляется в офисы. Дядя Леша поворачивается и смотрит на мои руки. На его чумазом лице видно беспокойство.

— Видать к директору пошел. Помой руки холодной водой и держи кулак под струей как можно дольше. Может, синяков не будет.

Я киваю, но знаю, что удар был хороший, и последствия моих действий несутся на меня, приближаясь все ближе с каждой секундой. Так почему же вместо страха, я чувствую... облегчение? Помог ли мне этот выплеск почувствовать то, что нужно, или это потому, что я только что обеспечила себе скорое увольнение отсюда?

Я иду в туалет и начинаю смывать кровь с руки, надеясь, что *холодная вода* — которая почему-то *обжигает* кожу — предотвратит появление синяка. Почему так много людей в моей жизни ненавидели меня? Я умею работать, всегда прихожу вовремя. Никогда не пью в рабочее время, делаю то, что от меня требуют. Так почему? Почему царит зло? Из-за бездействия? Надо было ударить его раньше? Я смотрю в зеркало. Шум воды заглушает всякие мысли. И это прекрасно. Внезапно я слышу голос, зовущий меня. Это дядя Леша.

— Насть! Ты там как?

— Лучше всех! А что?

— Тебя тут это... директор просит зайти.

— Самые храбрые — это стукачи, да?

— Да, пошел он в жопу! Не волнуйся, девочка, мы на твоей стороне. Я уже поговорил с директором, правда, разговор был короткий. Но думаю, он прислушается. А если что пойдет не так, мы с тобой!

Но имеет ли это значение? И что вы можете сделать? Это всего лишь слова. Если бы хотели действовать, уже давно бы действовали, как тогда, когда речь шла о вашей зарплате. Так что это снова пустые обещания. Правда в том, что я одна. И меня сейчас уволят из-за

какого-то алкаша-дегенерата, который хотел затащить меня в постель, а вместо этого получил по носу моим кулаком.

«**МЫ ПОЧТИ СВОБОДНЫ**». Резкий шепот проносится в моем сознании, и я прогоняю его прочь.

— Сейчас не время, — шепчу я. — Сосредоточься. Директор не должен этого увидеть. Не должен даже подумать, что со мной что-то не так. Потому что если он поймет, то... тогда меня уволят.

«*И что в этом плохого? Работа, которую ты ненавидишь, с людьми, которые никогда не вступятся за тебя, если им будет грозить опасность*».

— Потому что мне нужно есть. А если я не буду есть, я умру.

Голос замолкает. Видимо, даже в безумии есть проблески здравого смысла. Я снова умываюсь, убеждаясь, что лицо чистое, а затем поднимаюсь наверх, ступая на старую ржавую лестницу, ведущую в кабинет начальства.

Виктор Васильевич — директор завода — лысый мужчина, одетый в чистую белую рубашку и новые джинсы, импортированные из западных стран. Он никогда не смотрел на меня как голодный пес на кусок мяса, а скорее с любопытством, и неудивительно — женщина на заводе, способная выполнять мужскую работу. Возможно, он даже уважает меня, насколько человек его положения вообще может кого-то уважать.

— Анастасия, добрый день. Присаживайтесь.

— Добрый день, Виктор Васильевич.

Он смотрит на меня своими голубыми глазами. Они кажутся холодными, и, возможно, в нем есть тьма, но не по отношению ко мне. Он мягко качает головой.

— Ну, о чем вы думали? Этот тип — крыса, к тому же он племянник одного из местных чиновников. Это единственная причина, по которой он здесь.

— А я-то думала, что он ваш друг.

Он смеется, но без особого веселья.

— Нет, есть у меня друзья и получше. Вам стоило прийти ко мне и попросить помощи. Я бы поговорил с его дядей, и он бы отстал. Но теперь, когда ситуация вышла наружу, я не могу рисковать, связываясь с законом. У меня и без того дел по горло.

— Я понимаю.

— Не переживайте. Я вас увольнять не собираюсь. Ну, не совсем. Понимаете, у меня есть другие места, где вы могли бы работать. К примеру, в качестве бухгалтера или, может, моим помощником. И прежде, чем вы подумаете что-то такое неприличное, напомним, что у меня есть жена, которую я люблю. Я просто не хочу, чтобы вы остались ни с чем из-за этого говна.

Предложение удивляет меня. Другая работа в такое трудное время, да еще и после скандала? Неужели он что-то во мне видит?

— Будете работать полную смену, по часам, может, и побольше за ту же зарплату, но зато вам не придется чувствовать боль в мышцах или смывать с себя масло.

«Он имеет в виду, то, что **Шедевр** никогда не будет закончен. Ты утонешь в его бумагах, осуществляя его мечты, забыв о своей собственной. **ВОТ ЕГО ПРЕДЛОЖЕНИЕ**».

Вероятно, я брошу рисование. И что тогда? Мое время потрачено впустую? Мой талант выброшен? Нет. Этого не будет. Я знаю, зачем я сюда пришла. Я была готова к этому, и я не буду унижаться и принимать объедки с барского стола. Выбор сделан. Я качаю головой.

— Я бы не хотела снова вас подводить.

Он кивает, затем снова смотрит на меня. В его глазах что-то есть. Не желание. Но что-то, что мне не нравится.

— Анастасия, скажите, быть может вам нужна какая-то помощь?

— В каком смысле?

Он пожимает плечами.

— Любая, правда. Вы так много работали и никогда ничего у меня не просили. А большинство просят. И я хочу помочь.

— И это вас раздражает? То, что люди не приходят и не кланчат объедки?

Как ни странно, мужчина напротив не выглядит оскорбленным. Вместо этого он чуть прищуривается.

— Этот кусок дерьма также сказал, что ты дергалась перед тем, как ударить его. Можешь объяснить, что это было?

— Он врет. Преувеличивает. Я ударила его после того, как он много раз меня оскорблял, и он сам все начал!

Он медленно кивает.

— Ладно. Вам я верю больше, чем ему, будьте уверены. Просто вы хороший человек, и я беспокоюсь о вашем благополучии.

Я чувствую некоторое расслабление. Затем мой разум взрывается от только что сказанных мной слов. Не надо было этого говорить. Он мне не враг. Он просто человек, который хочет сделать как лучше для своей семьи.

— Насчет того, что я только что сказала...

Он машет рукой и улыбается.

— Вы расстроены, взволнованы, я понимаю. И если я чему и научился, так это не ссориться и не спорить с женщиной. Вы же никогда не признаете свою неправоту, так какой смысл?

— Никакого.

— Вот именно. Слушайте. Вы увольняетесь по собственному желанию — поэтому найти другую работу будет проще. И если вы передумаете насчет моего предложения, мои двери всегда открыты. И я не уволю вас сразу. Никто меня не заставит. Вы продолжаете ходить, работать, и если вам понадобится дополнительное время, чтобы найти новое место или поговорить с потенциальными работодателями в рабочее время, я, конечно, разрешу.

— Спасибо, Виктор Васильевич.

— Не за что. Жаль, что так вышло. Вы хорошая девушка. Никогда не пили на работе, всегда приходили вовремя, делали ровно то, за что платят, и даже больше. К слову, об этом...

Он залезает в шкаф и кладет на стол конверт.

— Немного рановато, но, может, вам понадобятся новые вещи для собеседования.

Я киваю, забираю то, что мне причитается, и выхожу. Он что-то говорит мне, но я уже не слышу. Вместо этого я слышу смех в своей голове. Я не останавливаюсь на своем рабочем месте. Дядя Леша торжественно кивает, но больше ничего не предлагает.

Идя по рельсам, я размышляю о времени, которое у меня теперь есть. Быть безработной — не то, к чему я стремилась. Но это лучше, чем терпеть постоянные взгляды пьяных свиней или расшибать руки о лица тех, кто меня оскорбляет.

Глава 3: День перерождения

Наступает выходной. Я потягиваюсь и закутываюсь в одеяло с головы до ног, со всех сторон, подобно шаурме. Время идет, и у меня в голове возникают странные видения. Сны давно покинули меня, но что-то увидеть все еще возможно. Образов немного, хотя я вижу во сне *Шедевр*. Он больше не проект, не мечта, а реальность. Вспышки камер бьют в лицо. Люди пытаются спросить, что вдохновило меня, и я думаю, стоит ли упомянуть любовь моей юности, ту, что вдохновляла меня. Если вдохновение — катализатор, значит ли это, что он хотя бы отчасти разделяет заслугу за мою работу? Возможно, нет. Работа была моей все эти годы борьбы, а его никогда не было рядом. Мое сердце знает: он где-то там, в той огромной толпе художников и журналистов, смотрит прямо на меня, но рядом с ним другая женщина, которую он любит так, как никогда не любил меня.

Я просыпаюсь с сильной головной болью, гадая, не стоило ли проигнорировать видения и просто попытаться спать. Вчерашний вечер прошел без происшествий. Я добралась домой, устала в стену, веки то и дело слипались, и, без единой мысли, я рухнула на кровать провалившись в пустой сон. Головная боль начинает атаковать еще сильнее. К счастью, у меня есть таблетки, которые могут помочь с этой проблемой.

Я вспоминаю о таблетках, купленных вчера, и о том, что мне нужно принять утреннюю дозу. Их назначение — успокаивать мой разум, и все же я сомневаюсь, нужны ли они мне на самом деле. Подняв голову, я вижу холст и думаю, сколько еще времени мне потребуется, чтобы закончить *Шедевр*. Как я могу сказать «нет» единственной настоящей мечте, которая была у меня большую часть жизни? Кем я буду, если откажусь от нее?

«Никем. Ты будешь никем. Как и все остальные на том предприятии. Ты будешь еще одной жалкой пьянчужкой без собственных мечтаний и амбиций. Разбитым, сломленным человеком, который не живет, а медленно умирает».

Я отгоняю Голос. Я хочу тишины. Все, что он делает — сыплет соль на раны, но в то же время — это движущая сила, толкающая меня к завершению работы. В этот момент я чувствую боль в желудке. А я ничего не купила поесть. Отлично. Одеваюсь и снова выхожу в мир.

Мороз стоял такой, что улицы опустели. Идя и пытаюсь игнорировать голод, я замечаю первого человека, и на моем лице появляется улыбка. Это дядя Вася. Он стоит у детских качелей, осматривая обшарпанный металл и поврежденное дерево, из которого они сделаны. Мужчина за шестьдесят, он один из немногих приличных людей здесь и единственный, с кем я готова общаться. Завидев меня, он улыбается, и я подхожу к нему, протягивая руку для приветствия.

— Доброе утро, дядя Вася.

— Здравствуй-здравствуй, дорогая, — отвечает он, пожимая мою руку. — Хотя утро уже кончилось, так что скорее добрый вечер. Ты что, проспала весь день?

— Да. Последние несколько дней были довольно... долгими.

— Могу представить.

— А вы чего тут делаете?

— Да вот, качели... Думаю вот подкрасить их.

— Как-то поздновато. Снег уже выпал. Слишком холодно для такой работы.

— Это верно. Я думаю весной. Только надо сначала денег накопить, потом краску купить. Зимой покупать лучше, а то цены поднимутся.

— А у их родителей разве нет денег на это?

Старик снова улыбается.

— Есть. Только, видимо, не на это.

— Не хотите чаю?

— О, это всегда «да».

— Только не у меня, ладно? У меня сейчас такой сральник...

— Понимаю. Вот только и у меня не совсем прибрано...

— О-о-о, ну все тогда. Мы больше не друзья! Сейчас пойду расскажу всем соседям, какой вы неряха!

Старик разражается смехом.

— Ладно, убедила. Пошли.

Вопреки его словам, его однокомнатная квартира довольно опрятная и даже уютная. Старая мебель, тикающие часы — словно реликвии из другой эпохи, когда жизнь не была такой холодной и пустой, как сейчас. Чайник закипает, и пока я разливаю чай, дядя Вася достает сладкие булочки. Я сажусь за стол и начинаю жевать их, чтобы утолить голод, запивая горячим чаем. Но даже в состоянии голода я не могу не чувствовать и не ценить аромат чая.

— Так что там с качелями? — спрашиваю я, освободив рот от еды.

— Хочу их смазать, покрасить свежей краской. Может, песка бы найти, знаешь, чтоб детям было где играть.

— Ага. Я просто не понимаю, почему об их благополучии переживаете вы, а не их родители.

Старик пожимает плечами.

— Может, их счастье для меня важнее чем для их собственных родителей.

— Это вы про людей, которые боятся вас и судачат за спиной?

— Да про них. Думаешь, я дурак, раз занимаюсь всем этим?

— Вы не дурак. Это хорошее дело. Но какой смысл, если вас ненавидят и не ценят?

— Смысл в том, чтобы подарить детям детство, которого они заслуживают, и на своем примере показать им, что доброта влияет на жизнь других. Они увидят, как я улучшаю то, что они любят, и запомнят это. Эта память станет фундаментом того, кем они станут.

— То есть вы берете на себя роль заботливого родителя, но не пожинаете плодов. Они не будут заботиться о вас. И не помогут вам.

— Дело не в благодарности, а в том, чтобы посеять доброту и бескорыстие в умах молодых. Это само по себе полезно. И более того, это успокаивает меня, умиротворяет мой разум и душу.

Я смиренно киваю. Нет смысла углубляться. Дядя Вася никогда не рассказывал о своих ранних годах, до тюрьмы. Хотя «любящие соседи» делали все возможное, чтобы распускать слухи о том, что он убил двух человек — свою жену и ее любовника — топором. Несмотря на содеянное и репутацию, которую ему это принесло, когда я встретила его, я увидела добрую душу, полную сожаления. Сначала мы просто здоровались на улице, а со временем, пока другие боялись и игнорировали его, я стала его другом — кем-то, кому он мог довериться. И он стал тем же для меня.

— Что-то случилось? — подозрительно спрашивает он.

— В смысле?

— Ты какая-то мрачная.

— А я разве всегда веселая?

— Я имею в виду, что ты мрачнее обычного. Тебя кто-то обидел?

Какой смысл скрывать то, что и так не секрет?

— Мой начальник — козел. Не директор, а мастер.

Старик жует булку, запивая чаем, обдумывая, что сказать дальше.

— Он... обидел тебя?

Я понимаю, что он имеет в виду, и на мгновение мне хочется сказать «да», но почти сразу же я отгоняю эту мысль. Как я вообще могу думать о том, чтобы солгать этому человеку? Он мой друг, и он не заслуживает, чтобы его использовали и обманывали. Мне ясно, что эмоции затуманивают мой рассудок, что злость рвется наружу, готовая ударить по любому, кто рядом.

— Нет, не в *этом* смысле. Он просто... Короче, он начал меня оскорблять, и я ударила его в нос. Кажется, даже сломала. А потом, как настоящий храбрец, он пошел к директору и нажаловался. А так как он родственник какого-то там большого человека, мне придется искать новую работу.

Дядя Вася какое-то время обдумывает сказанное, уставившись в стол. Потом отхлебывает теплого крепкого чая, ставит кружку и снова смотрит на меня.

— Вот паскуда. Цепляется к девчонке, а потом жалуется, как последняя сука. Такие долго не задерживаются, знаешь ли.

— Дайте угадаю. Вы скажете, что его накажет Бог?

— Я бы не посмел говорить от имени Господа. Нет. Я говорю о том, что такие люди, как он, обычно влипают в проблемы, и однажды у них не хватает сил или способности защитить себя от последствий.

Я не уверена, что это правда, но решаю не спорить с человеком, который ищет спасения и покоя в руках Божьих.

— Может быть. Я просто не часто это вижу.

— Ну, поверь. Рано или поздно такие, как он, находят неприятности, от которых уже не могут оправиться. Кстати, что тебе директор сказал? Он тебя сразу уволил? Или пытался защитить?

— Он не мог меня защитить. Но дал мне время найти новую работу.

— А ты нашла?

— Меня уволили только вчера. Времени особо не было, знаете ли.

— Понятно. Сочувствую. Так что дальше?

— Не знаю, дядь Вась. Если честно, я очень, очень устала. И не просто от работы, а от жизни вообще.

Он нахмурился.

— Даже думать об этом перестань. Единственная приличная девушка в округе, и ты такие вещи говоришь. И из-за чего? Из-за каких-то дураков с завода?

— Не только из-за них...

— Да ну и черт с ними! Ты хочешь сказать, что у такой девушки, как ты, нет причин жить? Я ведь не призываю тебя терпеть или искать кого-то. Но всегда есть причина жить. Уж я-то знаю.

Я смотрю на него, пока он говорит, и думаю о том, как бы я хотела, чтобы мы были ровесниками. Он умный, умелый, уважительный и чуткий. Меня не волнует, что он убил свою жену, потому что она была распутной, дядя Вася — хороший человек, просто с искалеченной душой и разбитой судьбой.

— Я думаю закончить картину.

— Ту самую? Как ее там... Напомни. Ах да, *Шедевр*...

Дядя Вася — единственный, кто знает о *Шедевре*. Более того, он видел наброски и даже спрашивает о нем достаточно часто, чтобы проявить интерес, но не быть назойливым.

— *Шедевр*. Да.

— Ну так вперед! Или эти уроды-соседи мешают тебе?

— Днем они потише. Так что нет.

Старик отламывает кусок булки, макает его в чай, быстро вытаскивает, отправляет в рот и продолжает.

— Слушай, если что, ты знай: мой дом — твой дом, поняла? Если тебе нужно спокойно поработать над картиной, у меня тут есть место.

— Нет, дядя Вася, спасибо, конечно, но я не хочу быть обузой.

— Ты для меня не обуза. Ты единственный друг, который у меня есть.

Я захожу в квартиру и слышу, как пьяная свинья-соседка просыпается и принимается кричать на своих близких. Говорить с ней бесполезно. Я пробовала однажды. Она невменяема. Интересно, что наши жизни похожи: мы живем в одном доме, мы не богаты, но она ленива, и единственное, что она любит делать — это пить водку и бить своих детей. Может, мне стоило бы отомстить, натравив на нее соответствующие службы. Но что это даст? Разве детям было бы лучше в детдоме? Нет. Да и сами дети — два брата — уже испорчены. Они убили ежа ради забавы, избили бездомную собаку и задирали других детей, пока те не объединились и не избили их так, что братья больше к ним не лезли. Эти люди злы. Неисправимы. Они — маленькое пятно грязи в бассейне разумной жизни. Но для меня они больше: вечный отвлекающий фактор, препятствие, которое нужно преодолеть. Но они не единственная моя проблема.

Последние десять лет я отчаянно пыталась научиться рисовать. Но я не хочу рисовать просто для удовольствия. Деньги — тоже не главный мотиватор. Я хочу изменить восприятие масс. Показать им, что искусство может быть чем-то большим. Ведь искусство — любое искусство — должно иметь смысл. Современное искусство становится декадентским, несмотря на то, что находится на пике. Великие фильмы, музыка, картины и тексты создаются для всеобщего обозрения, но поток качества иссякает, в то время как количество продолжает расти. Миру потребуется лучшее искусство в будущем — новые творцы, которые будут вдохновлять и развлекать. И единственная проблема моей амбиции — перфекционизм.

Я погружаюсь в воспоминания о прошлом. Оно такое яркое, такое светлое. Я помню много деталей того дня и отправную точку всего этого...

Я была в детском спортивном лагере. Был солнечный день. Небо было голубым, а облаков было мало. Меня окружали тонкие, но высокие деревья. Птицы щебетали, добавляя атмосфере блаженства. Я шла по бетонным плитам мимо скамеек к мальчику, который мне нравился. В юности любовь приходила гораздо легче. Особенно когда молодой человек был высоким, с черными волосами и глазами такого цвета, который казался одновременно карим и зеленым. Он сидел на скамейке, скрестив ноги в позе лотоса, в одной руке ручка, в другой блокнот. Глаза его были закрыты, а голова поднята по направлению к яркому солнцу. Не желая мешать, я остановилась, и стояла в полной тишине мгновение, ожидая, когда он откроет глаза. Ветер качал ветки и листья на них, успокаивая своим шелестом. К счастью, ждать пришлось недолго. Он открыл глаза, что-то записал в свой маленький блокнот, затем посмотрел на меня и улыбнулся.

— Доброе утро, Настюша. Я слышал, кто-то идет, но ты подождала. Спасибо.

— Саша! И тебе доброе утро. Можно присесть?

— Конечно, конечно! Я почти закончил.

— Закончил что именно?

— Стихотворение.

— А я думала, что же ты тут делаешь. И о чем же это стихотворение?

Он мягко улыбнулся.

— О любви. О чем же еще?

— Ого... Можно почитать?

Юноша тревожно прижал блокнот к себе, пряча от меня рифмы и записи.

— Оно... Оно еще не готово. Я хочу, чтобы оно было идеальным. Цепляющим.

— Ты, похоже, серьезно к этому относишься.

— Конечно. Я хочу быть поэтом.

— Правда? Звучит немного... амбициозно.

Он хитро улыбнулся.

— Ты хочешь сказать — невозможно?

— Трудно.

— А что в этой жизни легко? Кроме того, какой смысл жить, даже не пытаясь делать то, что хочешь? Наверняка есть что-то, чего хочешь ты.

— Я всегда хотела рисовать, но, кажется, никто в меня не верит. Родители отправили меня сюда, потому что хотели, чтобы я стала спортсменкой. Но это не мое желание.

— Ну, может, они видят в тебе способности. Хотя, если рисование — это то, чего ты хочешь на самом деле, то какая разница, что думают или чего хотят от тебя другие? Разве рисование незаконно? Если хочешь рисовать — надо рисовать. У нас есть этот прекрасный дар жизни, и мы должны дорожить им, создавая что-то красивое и доброе. Рисование точно подходит под эту категорию, разве нет? А что, если твои картины привлекут внимание многих людей в мире? Вот ты подумай.

И я думала. Много ночей я лежала без сна, осмысливая слова Саши. Он уехал домой, и я больше никогда его не видела, но его слова застряли во мне, укрепив мою потребность достичь своих желаний, а не работать, чтобы угождать родителям, которые плевали на мои желания и мечты. Голова раскалывается от боли. Весь этот стресс кажется бесконечным, и я думаю, когда в последний раз я чувствовала что-то хорошее в своей жизни. Что-то кроме тоски, несчастья и безумия...

Сегодня... мой день рождения. И я даже не вспомнила об этом. Это знак того, что я проваливаюсь в пропасть безумия? Может, стоит отметить? Немного выпить, успокоить нервы, откупорить хорошую бутылку красного вина... Ах, черт, таблетки! Как я могла забыть? Голос появляется, визжа в глубине моего сознания.

«Они тебе не нужны. Они не избавят тебя от стресса. Так зачем их принимать?»

— Чтобы держать в узде ТЕБЯ.

«Отказываясь от меня, ты отказываешься от **Шедевра**. И кем ты будешь без него? Ты готова к последствиям? Старая Ворона была бы рада, если бы ты так поступила. Думаешь, она еще жива?»

Ирина Александровна — или «Старая Ворона» — была учительницей рисования в моей школе, которая ставила мне тройки за мои рисунки, потому что я ей не нравилась, умудряясь одновременно с этим убедить моих родителей, что у меня нет таланта. И это несмотря на то, что мои работы были намного лучше работ тех «одаренных» детишек, которых она предпочитала, которые на самом деле были просто подхалимами, лизавшими ей задницу при каждом удобном случае. Но даже видя мой потенциал, она так и не удосужилась меня ничему научить будто вся ее работа сводилась к тому, чтобы выслушивать лицемерные похвалы от других учеников. А мои родители, которым я отчаянно пыталась все объяснить, плевать хотели, что она намеренно меня топила. Они тоже не верили в мои способности.

Что бы эта женщина сказала мне сейчас? Возможно, она не смогла бы говорить. Может, ее кровь могла бы стать моей новой краской. Но не алой, как мне бы хотелось. Старая кровь — липкая, темная. Не годится для моего великого творения. Но лишить ее жизни прямо перед картиной... это было бы воистину чудесно. Вот только это мечты. А мне нужно, чтобы это стало реальностью. Не убийство, конечно. По крайней мере, я не уверена, что хочу этого. Я просто хочу, чтобы она жалела и злилась, как я сейчас. Я просто не хочу, чтобы прошлое меня сковывало.

«Может, тебе стоит взять кисть и освободиться от всех этих цепей?»

Воодушевленная самыми темными мыслями, я встаю с табуретки и иду в свою комнату, чтобы увидеть **Шедевр**. Он там, стоит в центре комнаты, на белых простынях на полу, что покрыты каплями засохшей краски. Я подхожу к нему. Ночью мое вдохновение всегда было на подъеме. Я знала, что пытаться лечь спать было бы глупостью. Итак, я встаю и иду обратно в комнату, чищу кисти, хватаю кружку с водой для красок. Оглядывая холст, покрытый красными и черными цветами, я вижу место, с которого могу продолжить работу. Я вижу **Шедевр** перед своими глазами. Я вижу, что это такое, что он должен означать и олицетворять. Я вижу цвета, агрессивные, но тем не менее захватывающие. Я работаю, не думая о грядущем дне. Сегодня мой день рождения, и я отпраздную его, воплотив свою мечту в реальность!

Глава 4: Освобождение

Прежде чем начать работать во мраке ночи, я решаю создать для себя атмосферу. *Шедевр* стал делом моей жизни. Работа над ним кажется священной. Я достаю из маленького ящика несколько свечей и расставляю их по комнате — на полу, на подоконнике и несколько штук возле холста. Краски не такие сухие, как я опасалась, и с первым взмахом кисти процесс начинается. Время идет, я вожу рукой, пытаюсь ощутить вдохновение, и вдруг оно приходит, вливаясь в мой разум, смывая неподвижность и сомнения. Я смешиваю оттенки красного, меняю тона, создавая контраст, казалось бы, одного и того же цвета. Холст должен выглядеть так, будто он живой. Когда приходит время для более темных цветов, руки начинают неметь, а глаза устают.

Я иду на кухню, чтобы попить воды и промыть кисти перед нанесением нового цвета. Я не зажигаю свет, делая все в холодной темноте. Краски, уходящие в раковину с водой, кажутся черными — при дневном свете они были бы красными, но ночью все едино. На это интересно смотреть, есть в этом что-то потустороннее...

Пока конфорка разогревает чайник и все вокруг струей огня, я пытаюсь бороться со сном и думать о *Шедевре*. Темп, в котором я работаю, кажется довольно быстрым для идеальной работы, однако я не могу игнорировать необъяснимую силу ночи, что питает мою художественную натуру.

Чайник свистит, и я убавляю огонь. Пока чай заваривается, я смотрю в окно на падающий снег. Сегодня второе декабря, и я не могу вспомнить, когда в последний раз снег выпадал так рано. Когда я была маленькой девочкой, может, такое случалось чаще. Последние зимы, однако, были не такими красивыми — была грязь и холод. Может ли это быть знаком, посланием надежды, предупреждением остаться дома и продолжать работу?

Вернувшись с чашкой крепкого чая, я осматриваю *Шедеври* не вижу никаких проблем или того, что требовало бы исправления. Впервые качество и скорость идут нога в ногу, и этот прогресс вдохновляет меня продолжать. Взяв чистую кисть, я обмакиваю ее в черную краску и начинаю вести рукой по краям холста, создавая землю, облака и множество теней, присутствующих в этом море красного.

Ощущение значимости наполняет меня, когда я вношу изменения в свою работу. *Шедевр* стоял здесь несколько месяцев — и вот я сделала так много. Краски свежи, картина обрастает новыми деталями, и ее смысл становится яснее для того, кто еще не видел этого замысла. Корни жизни, из которых мы выходим, и земля, в которую уходим.

Сердце начинает биться интенсивнее, и дышать становится трудно. Вдохновения и крепкого чая недостаточно, чтобы продержаться всю ночь. Эти ограничения причиняют боль и злят меня, и я понимаю, что не могу продолжать. Не в таком состоянии. Потому что искусство хорошо настолько, насколько ты готов работать над ним — либо через усилие, либо через вдохновение, но не через раздражение. Итак, сделав еще два движения кистью, я решаю, что на сегодня хватит. Я делаю шаг назад, чтобы полюбоваться тем, что нарисовала: красные и черные тона, видимые при свете свечей, завораживают, послание, запечатленное на холсте, становится яснее и глубже. Я улыбаюсь красоте, прогрессу, себе. Гордость и радость наполняют меня — эмоции и чувства, давно забытые. О, я покажу им... покажу миру, что искусство, НАСТОЯЩЕЕ искусство все еще живет, и что они ошибались. ВСЕ ОНИ ОШИБАЛИСЬ!

Отложив кисти в сторону, я падаю на кровать, все еще в халате, укрываясь одеялом, думая о завтрашнем дне и надеясь, что творческий поток останется таким же мощным, как сегодня. Сердце продолжает тяжело биться, и на мгновение я задумываюсь, не потратила ли я слишком много сил, что, когда закрою глаза, умру от истощения и бесконечного стресса.

Ощущение именно такое, и мне страшно, но потом возвращается уверенность в форме, которой я не ожидала.

*«Ты не можешь умереть. Только не сейчас, не когда **Шедевр**так близок к завершению. Не сейчас, когда мечта почти в руках».*

Открыв глаза, я чувствую удар головной боли — без сомнения, от долгого сна. В черной пустоте моего разума не было снов, и я не чувствую ни сил, ни вдохновения. Тело онемело, а голод заставляет желудок отдаваться болью. Я могла бы продолжать лежать в кровати, игнорируя желание поесть и усиливая боль, но завтра начинается моя рабочая неделя, и если я усну сейчас, то не смогу спать ночью перед сменой.

«Какая разница? Ты все равно скоро уволишься».

Выбравшись из кровати, я иду в ванную, снимаю халат в цветочек и включаю едва теплую воду, чтобы ускорить пробуждение. Когда я ступаю в ванну, вода оказывается ледяной. Пока вода льется, я вся дрожу, покрываясь мурашками, и головная боль частично утихает, позволяя мыслям и воспоминаниям течь в мой разум. Крики моей матери и отца, их постоянные требования, их неверие в то, кем я была и кем могла стать. Вода начинает казаться еще холоднее, я поворачиваю кран, становится теплее, и пар начинает заполнять маленькую ванную. Я не хочу покидать это место, это... тепло. Могло ли все быть иначе? Могла ли я как-то убедить их, что рождена быть художником, что слова Старой Вороны и их собственные планы на меня меркнут в сравнении? Когда мои руки касаются мокрых волос под струей воды, я сжимаю челюсть в гневе. **НЕТ, ЭТО БЫЛА ИХ ВИНА, А НЕ МОЯ. Я ПОКАЗЫВАЛА ИМ СВОИ РАННИЕ РАБОТЫ, СВОЙ ПОТЕНЦИАЛ, СВОИ ЖЕЛАНИЯ. ЭТО ОНИ НЕ ЗАБОТИЛИСЬ. ЭТО ОНИ ОТБИВАЛИ У МЕНЯ ЖЕЛАНИЕ. ЭТО ОНИ СТРЕМИЛИСЬ СЛОМАТЬ МЕНЯ И ИСКОВЕРКАТЬ В ТО, ЧЕМ ДОЛЖНА БЫТЬ ИДЕАЛЬНАЯ ДОЧЬ — ПОСЛУШНОЙ И КРАСИВОЙ, НО ПРИ ЭТОМ СИЛЬНОЙ И ВЫНОСЛИВОЙ. ИМ НУЖНА БЫЛА НЕ ДОЧЬ, А ИЗВРАЩЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА, БЕЗ СОБСТВЕННЫХ ЖЕЛАНИЙ.**

ИМ НУЖНО БЫЛО НАСЛЕДИЕ, ПОСТРОЕННОЕ НА МОИХ МЕЧТАХ.

Вода становится немного горячее, и я чувствую некоторое расслабление. Я касаюсь своей кожи, чистой и свежей. В моем воображении это тело так же прекрасно, как много лет назад. Скоро так и будет. Когда **Шедевр**будет завершен, я освобожусь от этой боли, от страхов и гнева. Моя жизнь перевернется и изменится к лучшему. Накинув халат, я выхожу из ванной и сразу чувствую, как холод квартиры леденит ноги и грудь. Несмотря на неприятные ощущения, веки кажутся тяжелыми, поэтому я иду на кухню, чтобы заварить крепкий, бодрящий чай. Я протягиваю руки к греющемуся чайнику, надеясь, что вдохновение придет, когда я попробую горячий напиток. Он не настолько крепкий, чтобы не дать мне уснуть, но чем дольше я жду здесь, уставившись в стену, тем больше сомнений и страхов затуманят мой разум.

Я выхожу и возвращаюсь в комнату. Ледяные полы и пронизывающий ветер от деревянных окон раздражают меня, ускоряя пробуждение. Я должна обуздать эти эмоции, эти чувства и мысли. Я должна использовать отчаяние и зависть как топливо. Как только **Шедевр**прославит меня, я покину эти руины, этих соседей, которые игнорируют трезвость и сон как таковой, предпочитая громкую музыку и выходки под алкоголем и прочими интоксикантами. Интересно, могла бы я воспользоваться их деградацией, чтобы избавиться от них...

*«Они того не стоят. Этих людей не исправить, с ними нельзя договориться. Они стоят на нашем пути, но если мы вмешаемся, мы можем не избежать драки. А если бы мы сделали то, что хотим, тогда **МЫ ПАДЕМ ПОД ПОДОЗРЕНИЕ**. Наша мечта, наш **Шедевр**будет под угрозой. Мы не можем действовать сейчас. Возможно, позже. Возможно, никогда. Их путь — деградация, которая в конце концов предопределил их судьбу — и эта судьба: спиться до смерти или быть убитыми в процессе».*

Голос дает дельный совет, и я принимаю его. Я снова захожу в комнату. Я смотрю на свое творение, пытаюсь почувствовать вдохновение. Но его нет. Я чувствую себя опустошенной. Завтра очередной день на заводе. Один из последних. Свобода близка. Цепь, сковывающая меня, вот-вот разорвется...

Я просыпаюсь от звука будильника. Он звонит неумолимо, металлический звон отдается эхом в ушах. Выключив его, я сразу встаю, завтракаю кашей с кусочками яблока, затем надеваю ботинки, джинсы и куртку. Из-за такого выбора одежды и короткой стрижки вряд ли кто поймет, что я девушка, а не парень, особенно издалека. Странное чувство, но так лучше. Когда я иду туда, я позволяю своему разуму уплыть куда-то, где спокойно, но далеко и тихо. Я глубоко погружаюсь в свои мысли, в водоворот сомнений, страхов и событий прошлого, и вот я оказываюсь возле завода. Дорога занимает время, и вот я только вышла, но уже оказалась здесь. Интересный трюк разума, и я не знаю, стоит ли его приветствовать. Быть настолько погруженной в себя в ущерб всему окружающему опасно, и я не могу рисковать своей жизнью, когда работа над *Шедевром* почти завершена.

Я переодеваюсь в робу и начинаю варить детали, которые дает дядя Леша. Мы не особо разговариваем. День проходит спокойно и довольно быстро. Интересно, почему все кажется таким пустым. Почему приближающийся успех так притупляет меня? Почему я не радуюсь? Сковывает ли меня усталость? Сомнение, что я способна создать что-то великое? Или я боюсь, что все мои мысли и представления ошибочны, что я бездарность, что я лгала себе на протяжении всего этого времени?... Определенно последнее.

Голос дяди Леша вырывает меня из этого внутреннего смятения.

— Ты в порядке?

— Ага, нормально. А что?

— Ну... Лицо у тебя было какое-то напряженное.

— Да не, все хорошо. Спасибо.

— Вот несправедливость-то, дорогая. Знаешь, я тут спросил одного своего знакомого насчет работы. И он сказал...

— Мне не нужна работа, — мой голос резок, и старик слегка отшатывается. На его лице смесь удивления и беспокойства. Несмотря на злость и то, что он пытается вмешиваться, я не могу его ненавидеть. Он пытается помочь. — Я не хотела на тебя срываться. Я просто устала.

Он кивает, но больше ничего не говорит.

«Он напуган и обижен... Но это не должно тебя волновать. Ты не просила его искать тебе работу. И что он тебе предлагает? Прожить жизнь в другом месте — вот что он предлагает. Тебе это не нужно. Все это. Рабочий день окончен. Переодевайся и иди домой. Шедевр ждет...»

Следуя Голосу, я иду в раздевалку, сбрасываю промасленную рабочую одежду и надеваю повседневную. Выходя из большого серого здания, меня встречают падающий снег и тьма, окутывающая все вокруг. После долгого дня дорога через сугробы дается тяжело, и я решаю идти вдоль путей. Глядя на ночное небо, я вижу луну в окружении черных туч. Она ведет меня сквозь темноту, потому что вдоль путей нет фонарей.

Сзади раздается звук шагов. Я оборачиваюсь и вижу мужскую фигуру, пытающуюся меня догнать. Он двигается немного неуклюже, и все же страх сжимает мое сердце. Мы здесь одни, так что кричать бесполезно. Но я не беззащитна. В кармане куртки лежит нож. Я крепко сжимаю его, слыша хруст костяшек, чувствуя, как ногти впиваются в ладонь. Я не оборачиваюсь. Я не могу. Не сейчас. Я слышу, как шаги становятся громче. Ближе. Они неровные. Пьяные. Тот, кто идет за мной, либо так же устал, как я, либо... пьян.

«Жертва мнит себя хищником. УБЕЙ ЕГО. НАПОЛНИ СВОИ БУТЫЛКИ ЕГО ЖИДКОЙ КРОВЬЮ И ИСПОЛЬЗУЙ ЕЕ КАК ТОПЛИВО ДЛЯ ШЕДЕВРА».

Тот, кто преследует женщину в темноте, не заслуживает ни жалости, ни сострадания. Я чувствую, как злость перерастает в ярость, а страх заставляет тело дрожать как никогда. Секунды спустя шаги раздаются совсем близко. Слишком близко. Тогда я поворачиваюсь и вижу Степаныча. Старый ублюдок, причина моего увольнения, человек, который всегда пытался наступить мне на горло. Его глаза в темноте кажутся совершенно черными, полными ненависти и угрозы, которой никогда не было раньше. Я понимаю, что происходит. Он больше не хочет видеть меня в своей постели. Он хочет видеть меня в земле. И в этот момент, когда я осознаю масштаб происходящего, он бросается на меня, а я бью его ножом по лицу. Звук металла, рассекающего плоть и кость, ужасен, и я чувствую, как мое тело трясет. Но даже получив удар, и отшатнувшись, он лезет снова, и в этот раз я оказываюсь на спине между рельсами. Он пытается схватить меня за горло. Его руки длиннее, и ему это удастся. Запах перегара окутывает нас, пока он начинает орать.

— Сука! Думаешь, можешь меня оскорблять?! Меня?! Ты шваль! Шлюха! Уродина!

Рельсы начинают слегка вибрировать. Поезд приближается, но этому дураку либо плевать, либо он слишком пьян. Я пытаюсь ударить его обеими руками: мои кулаки превращаются в лапы с когтями. Вибрация земли усиливается. Неужели я умру здесь от рук старого пьяницы, так и не закончив *Шедевр*? НЕТ, НЕ БЫВАТЬ ЭТОМУ!!!

Я кричу и пытаюсь расцарапать ему лицо.

«ЗАРЕЖЬ ЕГО! ЗАРЕЖЬ! ЗАРЕЖЬ! ЗАРЕЖЬ!»

Я начинаю видеть свет. Поезд приближается к месту нашей схватки. Затем поезд гудит, но не пытается тормозить. Степаныч поднимает голову, и хват его рук на моей шее ослабевает. В этот момент я бью его прямо в шею. Он кашляет, и я начинаю бить его по челюсти снова и снова, пока он не падает набок. Затем я вскакиваю на ноги и прыгаю в сторону, прочь от рельсов, в снег. И вот он. Примерно в двенадцати метрах от того места, где мы боролись. Степаныч пытается встать, отчаянно пытаясь убраться прочь, но падает на рельсы и не может подняться. Земля под ним дрожит все сильнее, и звук гудка и скрежета металла заглушает крик, когда колесная пара разрезает его надвое, а днище поезда разрывает его ноги.

Все кончено. Степаныча — жалкого подобия человека, который воцелил меня и пытался убить — больше не было.

— Поезд убил его.

«НЕТ, МЫ УБИЛИ ЕГО! ХА-ХА-ХА-ХА-ХА! ДУРАК ПРИШЕЛ, ЧТОБЫ НАВРЕДИТЬ ТЕБЕ, А ТЕПЕРЬ ОН МЕРТВ! Каково это — убить того, кто тебя терзал?»

Я не могла ответить на это, да и не могла понять своих чувств, потому что поезд начал останавливаться, и мое облегчение снова сменилось страхом. В вагонах были люди, будущие свидетели. Машинист в головном вагоне, наверное, видел, как я выгляжу. Итак, я пытаюсь бежать, но потом вспоминаю...

НОЖ!

Я бегу обратно к тому окровавленному месту, нахожу нож, хватаю его из снега и начинаю убегать. Слезы от удушья замерзают на щеках, и часть меня хочет упасть в снег лицом вниз и разрыдаться. Но, продолжая бежать против ветра и слыша, как голоса за спиной отдаляются, я понимаю, что не могу этого сделать. Ведь меня ждет *Шедевр*.

Я быстро добираю

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.